

Матушка Ди утешала её:

— Госпожа, вы не смотрите, что он так разбушевался. Неужто он сможет заявиться обратно в столицу? Наш господин больше всего печется о своей чиновничьей репутации. То, что этот паршивец сдал Цуй Мина властям — прямой позор для всей семьи. Господин наверняка возненавидит его за неразумность, а это лишь подчеркнет, какой послушный и рассудительный наш молодой господин!

Госпожа Сюй подняла письмо, намереваясь дождаться мужа и пожаловаться ему. Однако кое-кто опередил её: секретарь Министерства наказаний лично известил Цуй Цюэ о том, что Цуй Се подал в суд на домашнего слугу за оскорбление хозяина и кражу с распродажей хозяйского имущества. Уезд Цяньань приговорил виновного к удушению с отсрочкой исполнения, а Юнпинская управа уже передала материалы дела в Министерство наказаний.

Двое ланчжунов, работавших с ним в одном кабинете, и юаньвайлан, принесший документы, вовсю грели уши.

Цуй Цюэ, от стыда готовый сквозь землю провалиться, тут же взял отгул и помчался домой. Он приказал обыскать дом Цуй Мина, где нашлось несколько сотен лянов серебра в слитках, золотые и серебряные украшения, а также долговые расписки.

Он вызвал торговцев людьми и велел продать всю семью слуги подальше от столицы. Вернувшись к себе, он долго сидел сам не свой, не зная, что злит его сильнее: то ли наглость Цуй Мина, присвоившего хозяйское добро, то ли поступок Цуй Се, пошедшего жаловаться в уездную управу.

Позор семьи нельзя выносить на публику! Как этот нечестивый сын мог ради какой-то жалкой доли отдать Цуй Мина под суд?.. Лучше бы уж на месте забил до смерти!

Дома мысли о Цуй Мине выводили его из себя, а стоит выйти на улицу — только и слышно, как люди обсуждают историю о дурном слуге, замыслившем зло против хозяина, и о том, как прибывшие в уезд для вручения высокой награды евнух Гао Лян и Се Ин из Цзиньвэй случайно оказались рядом и лично восстановили справедливость ради его сына. И дома, и снаружи Цуй Цюэ прямо-таки закипал от злости. И в разгар этого душевного терзания его мать, много лет тяжело болевшая, внезапно призвала его с женой в свои покои.

Цуй Цюэ всегда слыл почтительным сыном, поэтому даже не стал менять одежду и сразу устремился в главные покои.

Старый господин Цуй лежал на кровати; увидав вошедшего сына, он повернул к нему лицо и издал несколько невнятных звуков. Не обращая внимания на тяжелый запах, в котором благовония и лекарства перемешивались со стариковским духом, Цуй Цюэ сперва выразил почтение родителям, а затем заботливо спросил:

— Зачем матушка призвала сына? Если родителям нездоровится, я немедленно отправлюсь за придворным лекарем.

Госпожа Сюй угодливо хлопотала рядом, подавая чай и воду, расспрашивала служанок, хорошо ли старый господин ест и спит, помогает ли отвар — всячески старалась продемонстрировать сыновнюю доблесть мужа.

Старая госпожа Цуй качнула головой:

— Я позвала вас вовсе не ради этого. Мы с твоим отцом уже в годах, он болен, и мы, двое стариков, не знаем, в какой день у нас прервется дыхание. Но есть одно дело, без которого я и умереть спокойно не смогу — глаза не закроются.

Слова звучали слишком сурово, и Цуй Цюэ поспешил произнести:

— Зачем матушка говорит подобное? Вы же меня в краску вгоняете! Пусть сын ваш немощен, но он расшибется в доску, разыщет лучших врачей, чтобы родители дожили до глубокой старости.

Старая госпожа Цуй вздохнула:

— Да к чему жить так долго? Только для того, чтобы нас держали за выживших из ума стариков да обманывали, пока мы даже собственного внука защитить не можем? Раньше, когда он учился, я не могла вмешаться; когда его били, не смогла заступиться. А теперь, когда он уехал, кому-то всё равно кажется, что ему там слишком сладко живется, и нужно обязательно подослать людей мучить его...

Взгляд Цуй Цюэ забежал, он выдавил из себя улыбку:

— О чём матушка изволит говорить?..

— Ты уже обыскал дом Цуй Мина, по всем улицам судачат о нашей семейной ссоре! Неужто думаешь, мы с твоим отцом уже умерли и ничего не слышим?! — Госпожа Сун с силой хлопнула по столу. — Если бы твоя распрекрасная женушка не подослала людей в деревню измываться над твоим сыном да заваливать его всяким хламом, разве такой кроткий ребенок, как Се-гэ, пошел бы в управу жаловаться?!

Госпожа Сюй с громким стуком рухнула на колени, судорожно оправдываясь:

— Нижайшая слуга вовсе этого не делала! Это всё злой слуга Цуй Мин замыслил недоброе да обкрадывал наш дом! Я ведь мать Се-гэ, как я могла причинить ему вред?!

Старая госпожа Цуй истратила много сил на эту вспышку гнева; она дрожала всем телом и долго не могла перевести дух. Наконец, справляясь с дыханием, она холодно произнесла:

— Он не из твоего чрева вышел, так что я не виню тебя за нелюбовь. Но Се-гэ — старший внук от законной жены в семье Цуй! Ему в будущем доживать нас с дедом и провожать в последний путь! Я готова пожертвовать остатками своего достоинства, но выбью для него право на жизнь. Иначе кто потом станет разбивать поминальный горшок и нести погребальный стяг?

Старый господин Цуй тоже тяжело и прерывисто дышал, его голова слегка дрожала, словно кивая в знак согласия.

Госпожа Сюй рыдала навзрыд, припав к полу, а Цуй Цюэ раздраженно вздохнул:

— Что за глупости говорит матушка! Кто ж его замышлял погубить?! Он сам избивал братьев и проявлял непочтительность к родителям, я лишь отправил его на родину поразмыслить над своим поведением!

«Но он ведь так ничего и не понял! Иначе с чего бы ради каких-то медяков сдавать Цуй Мина уездным властям, да еще и приплетать к этому Цзиньвэй и евнуха?»

Госпожа Сун долго гневно смотрела на супругов; её грудь тяжело вздымалась, пока она наконец не вздохнула:

— Ты небось винишь его за то, что он упрятал Цуй Мина за решетку и тем самым посрамил твой чиновничий чин? А почему ты не подумаешь о том, как Цуй Мин поносил его у ворот родового поместья, обозвав нечестивым и непочтительным? Каково это терпеть ребенку?! Ты, будучи отцом, не можешь делить любовь поровну, видишь перед собой только Цуй Хэна, и при этом еще смеешь упрекать дитя в несмотрительности?!

— Он совсем не такой, как Цуй Хэн и остальные! Находясь в чреве госпожи Лю, он навел болезнь на отца, рождение его свело в могилу родную мать, а потом матушка растила его несколько лет и подорвала собственное здоровье... Если бы мы все эти годы не держали его в отдельном флигеле, я даже не знаю, родились бы у меня Цуй Хэн и Цуй Хэ!

Голос Цуй Цюэ гремел от сдерживаемой ярости, отчего у старой госпожи мучительно заломило в висках, а у старого господина от волнения едва не подступила к горлу мокрота.

Она потёрла виски и сквозь зубы произнесла:

— И к чему ты всё это говоришь?! Я знаю, что ты женился на барышне из чиновного рода и набрал полон дом любимых наложниц, так что старший сын тебе отныне не мил. Я и не прошу тебя возвращать его обратно — всё равно мы, старики, не сможем отстоять его. Я спрошу лишь одно: ты еще слушаешься своих родителей? Если тебе хоть немного жаль наши старые кости, не заставляй его просить милостыню у твоей женушки. Отдай ему приданое его матери — все вещи и лавки, что она принесла с собой.

Госпожа Сюй зарыдала еще громче, чувствуя себя глубоко обиженной:

— Неужели матушка считает, будто я из тех, кто зарится на приданое умершей первой жены? Семья Сюй тоже не с пустыми руками выдавала меня замуж! Я пальцем не тронула ничего из того, что принесла сестра Лю! Но ведь по «Законам Великой Мин» приданое хозяйки дома должно делиться поровну между всеми сыновьями. Наш Цуй Хэн не претендует на его долю, но неужели вы совсем не жалеете вашего младшего внука Цуй Хэ и Юнь-цзе?!

Цуй Цюэ подхватил:

— Да какое там приданое у госпожи Лю! Поместье, что дала её семья, находилось за пределами управы, и когда мы перебирались в столицу, его продали, поскольку ездить туда было неудобно. А книжная лавка в прошлом году пострадала от наводнения — все книги смыло и превратило в кашу, из-за чего наша семья понесла немалые убытки.

Старая госпожа Цуй прикрыла глаза и устало откинулась на спинку кресла:

— Я знаю, вы теперь господин и госпожа, вам дела нет до больной старухи, и слова мои для вас ничто. Но Се-гэ — главный внук и преемник нашего рода! Ни дети от мачехи, ни от наложниц не могут сравниться с ним. Мы с твоим отцом всё обсудили. Иное имущество в твоих руках, там я не хозяйка, но купчие на землю и дома в родовом поместье, а также документы на приданое его матери хранятся у меня. И я отдаю их ему! И пускай хоть кто-то попытается отнять их!

— Матушка, да что Се-гэ понимает?! Отдать ему всё это — он же мгновенно всё пустит по ветру!..

— закричал Цуй Цюэ, разрываясь между гневом и беспомощностью. Старая госпожа Цуй

внезапно распахнула глаза; её мутный взгляд уставился на супругов с неожиданной, устрашающей силой:

— Я уже велела старухе Чжан отправить все бумаги ему! И даже не думайте требовать их назад! Иначе не только твой сын станет бегать по судам — твоя родная мать тоже пошлёт людей подавать на тебя жалобу в управу!

Цуй Се вместе со слугами и свидетелями ушел и долго не возвращался. Юаньвай Чжао с супругой сгорали от нетерпения, даже еда казалась им безвкусной.

Их младшему внуку Чжао Инлиню обед тоже был не в радость: только и слышно было, как дедушка с бабушкой и мать хвалят молодого господина Цуй, наперебой рассказывая, какой он замечательный, и пеняют внуку, что тот учился столько лет, а ума не нажил — видя, как обижают юношу, не помог, да еще и поддался суждениям длинноязыких школяров.

Он и сам понимал, что ошибочно осудил Цуй Се, а потому лишь молча сносил нотации старших. Однако обед подходил к концу, а Цуй Се всё не возвращался из управы. Трое старших по очереди читали наставления, ничуть не уставая, и его бедные уши уже буквально вяли от непрерывных упреков.

В конце концов дед, видя, что Цуй Се задерживается слишком долго, смиловился над внуком и велел:

— Ты у нас туншэн, перед господином начальником уезда у тебя есть хоть какое-то уважение. Сходи к уездной управе, проведай своего старшего брата из семьи Цуй, чтобы этот хитрожопый слуга не перевернул всё с ног на голову и не причинил ему обиды.

Чжао Инлинь тихонько пробурчал себе под нос:

— Да он такой красноречивый, с чего бы ему терпеть обиды... Не прошло и двух дней, как он переехал, а вы уже забыли, как зовут родного внука! На порог ступишь — только и слышно: «молодой господин», «молодой господин»...

<http://bllate.org/book/18372/1761250>